

Птиба

Наталья Анискова,
Майк Гелприн

ФАНТАСТИКА

Птиба летит высоко. Несется по небу, режет хвостом облака, смахивает плавниками звезды. Не удержишь ее, не остановишь.

Первые полста лет Птиба плавает глубоко, говорят, в дальних морях, а в каких, никто не ведает. Глодает мелкую рыбешку, растет, набирает силу. С мелкой переходит на крупную, да и морским зверем не брезгует — ей по вкусу и макрель, и касатка, и морская корова дюгонь. На шестом десятке птиба выплывает повыше, и горе кораблю, что попался на ее пути. Мечется птиба по океану в поисках пищи, ближе и ближе к берегам. Полсотни лет глодает все — живое и неживое: рыбу и зверя, корабли и рыбацкие сети, брошенный балласт и затонувшие грузы...

Говорят, что на нерест птиба отправляется, когда стукнет ей ровно сотня. Отяжелевшая, не спеша плывет она вдоль берега, и, если какому смельчаку достанет ловкости, можно забросить кошку-крюк, зацепиться за плавник, подтянуть лодку и взобраться на спину. Затем птиба взлетит, поднимется ввысь и примется резать облака...

Нерестильщиками их зовут — людей лихих, отчаянных, что улетают на птибе невесть куда. Немного таких — готовых рискнуть, бросить родные места и пуститься в неведомое. Зато кто доберется до нерестилища — получит все, что когда-то проглотила птиба, и сможет жить безбедно там, в дальних краях. Иногда от некоторых везунчиков доходят письма с оказией, из мест с названиями странными, которые в северных краях и не слыхивали — Сингапур, Джакарта, Йокогама, Бомбей... А обратно, в Низинные земли, на берега Северного моря, ни один нерестильщик так и не вернулся. Да и не мудрено: в дальних теплых краях жизнь, видать, побогаче, чем на скудных рыбацких польдерах.

Фольмар сидел в лодке и теребил веревку, к которой был привязан крюк. Улла тихонько сопела на корме. Волны мерно накатывали, облизывали нос лодки. Тучи, подкрашенные закатом, ключьями свисали с неба.

Птиба здесь — Фольмар ждал ее каждый день, с тех пор как впервые увидел вскипевшую на гладкой воде пенистую волну в человеческий рост. Поначалу ждал один, потом на пару с Уллой. Когда она появилась, Фольмар не стал спрашивать, зачем пришла, лишь освободил место на кормовой банке.

— Фольмар, как ты думаешь?.. — тихонько спросила Улла и осеклась.

— Что? — Нерестильщик обернулся. Лицо Уллы тоже было подкрашено закатом — и выбившиеся из-под чепца прядки, и ломаные дуги бровей, и полупрозрачные веснушки на носу. Она сейчас казалась прекрасной, словно мадонна на фреске. Фольмар видел однажды такую, в гаагской Новой церкви — заглянул туда, когда распродал на рынке подводу сушеной рыбы.

— Как думаешь, чем сейчас занимается Мартин?

— Откуда мне знать. — Фольмар пожал плечами.

Мартин был его старшим братом, единственным, и тоже нерестильщиком — одним из немногих счастливцев, от ко-

торых доходили письма домой. Было тех писем всего пять, по одному на год — потрепанных, доставленных с оказией проезжими купцами. Адресованных Улле Ван Камп, невесте.

Бывшей невесте, злословили старухи за спиной. Брошенной. Кому нужна нищенка, сирота из рыбацкой деревни, когда в кармане не звенят монеты?

Оказалось, однако — нужна. Когда к Улле посватался старший сынок утрехтского купца-богатея, сплетники языки прикусили. Когда Улла ему отказала — распустили их вновь. Видать, порченная, шептали о ней выпивохи в таверне, подмигивали друг дружке и ухмылялись в пивные кружки. Мартин-то парень был ухватистый. Попортил небось красотку перед тем, как сгинуть на своей птибе.

Слухи слухами, а вслед за утрехтцем взять за себя гордую и статную Уллу хотели многие. И сыновья местных рыбаков, и отпрыски людей познатнее и посостоятельнее. Все получили отказ — как один.

Фольмар не сватался. На гулянья не приглашал, тюльпанов не дарил, даже в глаза не заглядывал. Он, впрочем, и так нечасто людям в глаза глядел, больше в землю. Детина здоровенный вымахал, и на работу злой, и на драку скорый, а людей чурался. Не говоря о том, что девиц.

Не сватался... А что дров сироте нарубить, крышу поправить или там отвадить кого понаглей — так то по-соседски. Можно сказать, по-родственному. Иногда Улла и монеты у крыльца находила. Немного, гульдена два-три. Удивлялась всякий раз сильно — не с неба ведь монеты валялись. Ну да мир не без чудес, людей послушать, еще и не то на свете бывает...

Поверхность моря внезапно взбухла и поднялась серым бургом.

Фольмар на мгновение замер, затем вскочил, подхватил веревку с крюком, стал раскручивать. Серая туша росла на глазах, поднималась все выше, застила небо. Улла пискнула что-то, Фольмар не разобрал. Он примерился, напрягся и, собрав силы воедино, метнул крюк.

Птиба не шелохнулась. Она косила желтым глазом величиной с доброе мельничное колесо в сторону лодки, и Фольмар уже думал, что промахнулся, как вдруг веревка дернулась, а затем и натянулась.

Птиба неспешно плыла под облаками. Внизу переливались огни большого города. Фольмару показалось, что он узнал ратушу и дом бургомистра.

— Что это там? — спросила Улла.

— Гаага, по всему, — буркнул Фольмар.

Птиба внезапно вильнула и, задрав морду вверх, пошла в облака. Улла ойкнула, уцепилась за плавник.

— Фольмар, может, она проголодалась?..

— Черт ее знает.

— Не богохульствуй! — возмутилась Улла.

Фольмар пожал плечами, встал на колени и, цепляясь за чешую, пополз к хвосту. К нему были привязаны запасы, которые он перетаскил из лодки, — корм для птибы, одеяла, запасная одежда и провиант. Ухватив тук с вяленой рыбой,

Фольмар закинул его за спину и так же, на коленях, двинулся обратно. Улла сидела, нахохлившись, как воробей.

— Она нас не сожрет?

Фольмар поскреб в затылке:

— Пока не сожрала, а там черт ее знает.

Первое письмо от Мартина пришло пять лет назад. Улла к тому времени уже перестала плакать, только исхудала так, что походила на тень.

Говорилось в письме, что Мартин жив, разбогател на нересте и думает возвращаться домой — с купеческим караваном. А больше в письме не было ничего. Оно и неудивительно — Мартин неразговорчив был, а уж буквы в слова складывать и вовсе не приучен.

Внизу вновь показался город, окруженный серой крепостной стеной с зубцами и бойницами, полный башен со шпилями. На башнях развевались флаги, похожие на разноцветные лоскутки.

— Фольмар, а что бывает в птибах?

— Всякое, — пожал плечами Фольмар. — Что успела птиба глотнуть, то и находят. Говорят, Петер Ван Мей, сын хромого Конрада, сундук с золотыми монетами взял. Адриан Кастейн — алмаз достал, величиной с кулак. Эрик Хесселинк — шкатулку с пряностями нашел, только в тех краях они не стоили ни гроша.

— Врут, — убеждено хмыкнула Улла. — Не может быть, чтобы пряности — и ни гроша.

— Наверное, врут, — согласился Фольмар. — У Эрика не спросишь — где он теперь, никто не знает.

— Что же Мартин в своей нашел?

— Вот встретим его там — расскажем.

Улла подперла кулачком щеку и смотрела на Фольмара, будто хотела что-то спросить и не решалась.

Второе письмо пришло через год после первого. Писал Мартин, что трепала его лихорадка, от которой он едва не протянул ноги, но теперь оправился и присматривается к товарам. Что собирается закупить побольше и двинуться в обратный путь. Путь тот неблизкий, и на корабле плыть придется, и посуху с купеческим караваном пробираться через пустыню. Однако если Бог даст, за год управится и домой вернется с большими деньгами...

Снова птиба вильнула, двинувшись всей тушей, вправо, а потом и влево.

— Оголодала, — предположила Улла.

Фольмар двинулся к хвосту, за очередным тюком с рыбой. Там, подумав немного, прихватил одеяло и торбу с провизией.

— Боишься? — угрюмо спросил он, усевшись напротив Уллы и зубами развязав на торбе тесьму.

— Да. — Улла закуталась в одеяло до подбородка, глядела несмело. — Жутко боюсь. Сколько нам еще лететь?

— Кто знает. — Фольмар расстелил клеенку, выложил на нее снедь, откупорил флягу с водой, свинтил крышку с медного молочника. — Думаю, что, быть может, с неделю.

Новый город показался вдаль и стал приближаться. Птиба спустилась ниже, замедлилась и неспешно поплыла над черепичными крышами.

— Я бы пожил в таком, — вздохнул Фольмар. — Купил бы дом с садом, разводил цветы, по вечерам прогуливался, слушал колокольный звон.

— Один? — тихо спросила Улла.

Фольмар покраснел. Не ответил.

В третьем письме говорилось, что на верфи случился

пожар и корабль, на котором собирался отплыть Мартин, сгорел. Новое судно снарядят только через полгода, а пока присматривается Мартин к торговому делу и думает, как вложить деньги с выгодой.

Фольмар помнил, как Улла смотрела то на него, то на листок бумаги, который дрожал в руках. Потом листок упал, и Фольмар бросился подбирать, нескладно бормоча что-то утешительное...

Год спустя пришло еще одно письмо, четвертое. Плыть на корабле Мартин раздумал и поступил правильно, потому что были шторма и суда, капитанам которых повезло, вернулись в гавань. А суда тех, которым не повезло, забрало море. Деньги Мартин вложил удачно и за год их обернул, увеличив капитал вдвое. На часть прибыли купил он хороший глиняный дом на берегу тихой заводи с большим садом, в котором бьет фонтан, растут диковинные цветы и деревья и поют райские птицы невиданной красоты. А еще занялся Мартин банковским делом, сулящим приличные барыши, почти без риска, и, если Бог даст, войдет в дело компаньоном. А там уж и домой вернуться можно, забрать Уллу и жить безбедно в Гааге, а то и в самом Амстердаме...

Улла по-прежнему отказывала женихам, и свататься к ней мало-помалу перестали. Частенько она заходила к Фольмару — поговорить о Мартине, прибраться, сготовить ужин. Или подсобить с починкой сетей — Улла ловко управлялась с ними, и ее, сидящую вместе с Фольмаром в путанице бечевы, легко можно было принять за жену рыбака.

Города под брюхом птибы стали появляться реже, потом их не стало вовсе. Птиба прошла над лесом, над морем и теперь плыла над огромной песчаной пустошью. Похоже, лететь ей было уже нелегко, наполненное брюхо тянуло к земле. Улла дернула Фольмара за рукав.

— Смотри!

Поодаль раскинулся город, подобного которому они еще не видали. Дома с белыми стенами и затейливыми цветными крышами, золоченые шпили и башенки, сады.

— Ох, Фольмар, какая красота! — выдохнула Улла.

Фольмар кивнул. Неизвестно, чем их встретит эта красота. И чем обернется тоже.

Птиба прошла над городом, оставила его позади, и мало-помалу он потерялся из виду. Впереди вновь была песчаная пустошь, ровная, бескрайняя.

В пятом письме, последнем, говорилось, что возвращаться Мартин раздумал. Что жизнь в стране с названием Индия намного веселее, богаче и лучше для человека, у которого есть голова на плечах. И почему бы Улле не перебраться к нему и не жить в глиняном доме у моря, в тепле и в лени, вместо того чтобы зябнуть от холода в промозглых северных городах. А заодно и Фольмару, дело для которого здесь наверняка найдется. Как добраться до Индии, Мартин не сообщал, видимо, путь казался ему простым, удобным, трудов и затрат не требующим.

Улла, прочитав письмо, долго молчала. Молчал и Фольмар, сидел на крыльце, понурившись и уставившись неподвижным взглядом в береговую кромку. Затем поднялся.

— Что ж, ладно, — сказал он. — Чтобы зацепить птибу, нужен особый железный крюк.

— Ты что же?! — ахнула Улла. — Хочешь...

Она не договорила. Мартин кивнул, ссутулил плечи и двинулся к деревенскому кузнецу.

На рассвете сплошная лазурная полоса показалась на горизонте. Она росла, близилась, и птиба стала снижаться.

— Готовься! — крикнул Фольмар. Одной рукой он обхватил Уллу, другой вцепился в плавник.

Птиба, пройдя над берегом и тяжело дыша, так что бока ходили ходуном, вспорола мордой водную гладь и грохнулась брюхом о мелководье.

Фольмар и Улла головами вперед бросились в поднявшуюся волну и, отчаянно отмахивая гребками, принялись отплывать. Добрались до берега и, держась за руки, до полудня смотрели, как издыхает, ворочаясь на острых донных камнях, исполинская туша.

Когда мутное, бурлящее водоворотами море стало опять прозрачным и ровным, Фольмар поднялся. Скинул одежду и с разбегу нырнул. До вечера его голова то показывалась над водой, то исчезала под ней вновь. Нырять он и весь следующий день — от рассвета до заката.

— Это всё? — тихо спросила Улла, разглядывая пять разложенных на берегу тусклых, щербатых монет.

— Всё, — Фольмар, скрестив ноги, сел, замер недвижно. — Еще гнилые доски, рваные сети, обломки и разный хлам. Ну, и икра. Целые горы икры.

— Что же мы станем теперь делать?

— Выбора нет, — Фольмар криво усмехнулся. — Доберемся до какого-нибудь города. Попробуем продать монеты на рынке. И будем искать Мартина.

— Где мы его будем искать?

— Не знаю.

— Мартин-голландец? — переспросил представитель британской торговой компании. — Знаю, конечно, человек известный. Живет в Мадрасе, у него там дела с недвижимостью и оптовой торговлей. Потом...

— Как добраться до Мадраса? — перебил Фольмар.

— Непросто. Но если есть деньги, добраться можно куда угодно.

— Есть несколько старинных монет. — Мартин выложил на стол улов с нереста.

Британец, вставив в глаз монокль, внимательно осмотрел монеты, попробовал на зуб каждую, поскреб ногтем.

— Цехины, — заключил он. — Продать, насколько я понимаю, надо срочно?

Фольмар кивнул.

— Что ж, я куплю. На дорогу до Мадраса вам хватит.

— Вот этот дом, сагиб.

Провожатый в чалме поклонился, отступил в сторону. Фольмар, скрестив на груди руки, с минуту рассматривал огороженный цветастым кустарником белый нарядный дом. Украшенный лепниной по стенам, с вычурной кремовой крышей — почти дворец. Затем решительно направился к чугунным резным воротам.

— Здесь ли живет Мартин-голландец? — угрюмо спросил он выбежавшего из дома на звон колокольчика мальчишку в чалме.

Тот, потоптавшись, умчался, но вскоре вернулся, сопровождаемый русоволосой молодой женщиной — стройной, белокожей, настоящей красавицей.

— Вы ищете моего мужа? — спросила она по-фламандски. — Могу я осведомиться, по какому делу?

Фольмар сглотнул, закашлялся, с трудом перевел дух.

— Я ищу человека по имени Мартин Ван Клоост, — сказал он. — Его в этих краях называют Мартин-голландец.

— Это мой муж, — улыбнулась русоволосая красавица. — Его сейчас нет, он с детьми на морской прогулке, должен вернуться к вечеру. Что ему передать?

Фольмар попятился.

— Ничего, — буркнул он. — Не надо передавать. Я приду завтра.

ФАНТАСТИКА

Улла ждала там, где Фольмар ее оставил, — в тени раскидистого придорожного дерева.

— Я нашел Мартина-голландца, — сказал Фольмар, глядя Улле в глаза. — Но мы обознались. Это другой человек, я с ним не знаком.

— Я так и знала. — Улла невесело улыбнулась.

— Как знала? — оторопел Фольмар. — Откуда?

— Да так. Расскажешь мне об этом другом человеке.

— Он голландец и женат на красавице-нидерландке, у них по меньшей мере двое детей. У него прекрасный дом, с садом и со слугами. Но какая разница — этот человек не мой брат и не твой жених. И письма писал не он.

— Я знаю, кто их писал, Фольмар. Хотя до сих пор не вполне понимаю зачем.

Фольмар отступил на шаг, споткнулся и едва не упал.

— Откуда ты знаешь? — прошептал он.

— Догадалась. Твой брат — решительный человек. Он не стал бы строить долгие планы и потом их менять — то одно, то другое. Я думаю, что он действительно написал мне. Один раз, только письмо его не дошло.

Фольмар опустил голову. Письмо, что Мартин написал Улле, дошло. Фольмар перехватил его, прочитал и уничтожил. Всего шесть слов: «Я не вернусь. Прости меня. Мартин».

— Я д-думал, — запинаясь, проговорил Фольмар, — я думал, т-ты не согласишься. Будешь ждать его, несмотря ни на что. Я знал, что он не станет больше писать. И писал за него. Ты поэтому отказывала женихам, и я думал, что, может быть, настанет день...

— День, когда ты решишься посвататься сам, так?

Фольмар понурился и проговорил тихо:

— Ты отказала бы мне так же, как остальным. Пока была надежда, что Мартин вернется, отказала бы. Я не знаю, что стал бы тогда делать.

Улла молча смотрела на него. Долго, потом сказала:

— Ты решил, что стоит преодолеть полмира для того, чтобы я смогла убедиться?

Фольмар не ответил. Он мог бы добавить, что рассчитывал разбогатеть. Но не стал говорить — деньги сейчас не значили ничего. Их птиба оказалась пустой. Что с того — не всем же быть везунчиками, как Мартину!

— Что ж, я убедилась в том, что знала уже давно, — грустно сказала Улла. — Мартин бросил меня. Что дальше? Говорят, за океанами есть еще более дальние страны. Найдем новую птибу и полетим туда? Тебе необходимы еще две-три неудачи, чтобы...

— Чтобы — что? — выдохнул Фольмар.

Улла улыбнулась невесело:

— Чтобы наконец понять, почему я отказывала всем, кто хотел взять меня в жены. Додуматься, почему я полетела с тобой. И решиться на слова, которые мог бы сказать годы назад. Без всякой птибы.

